

В поместье всё ещё горели огни, но в главном здании уже навели порядок, спровадив лишних гостей.

Волны, налетавшие издалека, вздымались на несколько метров, а морской бриз заставлял камфорные деревья шумно и тревожно шелестеть листвой.

В гостиной на журнальном столике остывал чай. Недавняя суэта бесследно исчезла, уступив место тишине, которую нарушал лишь гул налетающего ветра.

Двор осветили вспышки фар — по главной аллее проехали несколько автомобилей. Двери с шумом распахнулись, и из машин вышли люди. С бледными, полными тревоги лицами они последовали за дядей Чэнем внутрь дома.

Услышав шаги, Бай Цзянь отложил газету. Его лицо оставалось бесстрастным.

Дядя Чэнь подвёл прибывших:

— Господин Бай Цзянь, родители этих юношей прибыли.

Для большинства из них это была первая встреча с главой клана Бай лицом к лицу. Заметив его величественный, почти божественный облик, гости на мгновение оцепенели.

Ходили слухи, что Бай Цзянь — самый выдающийся представитель своего рода, недостижимый идеал для любого тритона. О нём говорили как о мудром, милосердном и непостижимом существе, всегда сохраняющем рассудительность и ледяное спокойствие.

— Присаживайтесь, — он слегка приподнял уголки губ, но в его глазах не было и тени улыбки.

— Чэнь Сянь, изложите суть дела и сообщите гостям наше решение.

Бай Цзянь явно не был настроен на долгие светские беседы.

Дядя Чэнь шагнул вперёд. Его привычная мягкость и доброжелательность испарились; каждая морщинка на лице выражала холодную ярость.

— Ситуация такова: сегодня в десять тридцать одну вечера наш молодой господин Сы Юэ прогуливался по берегу, когда ваши дети насильно затащили его в воду, совершив покушение на убийство. На данный момент Сы Юэ спасён, врачи борются за его жизнь. У нас есть неопровержимые доказательства, и наше решение окончательно: мы заявляем в полицию.

Для тритонов репутация и «лицо» значили больше жизни. Многие из них считали себя высшей расой, аристократами океана, и сама мысль о публичном позоре была для них невыносима.

Заявление в полицию от семьи Бай сулило катастрофу. Закон не всегда безупречен, но с лучшими адвокатами Бай Цзяня виновных могли приговорить к самому суровому наказанию. В суде, где на стороне обвинения стоит мощь клана Бай, у них не останется ни единого шанса на оправдание.

Не обращая внимания на мертвенную бледность родителей, дядя Чэнь продолжил:

— Сразу после завершения реанимационных мероприятий семья Бай выпустит официальное заявление, в котором будут названы ваши компании и все дочерние предприятия. Кроме того, мы и все наши партнёры немедленно расторгаем с вами любые контракты. В дальнейшем семья Бай предпримет все меры для вашего полного вытеснения с рынка.

— Нет... нет, стойте! — первым опомнился один из отцов. — Мы не знали, что Линь Цинъюэ замышляет подобное! Может... может, это просто детская глупость? Обычная ссора?

Бай Лу, который до этого молча наблюдал за происходящим, в ярости вынырнул из аквариума. Опершись на край, он выкрикнул:

— Наш А-Юэ — студент факультета клинической медицины тритонов в университете Цинбэй!

Медицинский факультет... Все знали, что помимо жесткого отбора, там используют новейшие разработки. В день поступления каждому студенту под кожу вживляют лазерный микрочип-монитор. Внешне он выглядит как тонкая линия на запястье, но способен передавать аудио- и видеосигналы.

Обычно чип работает в режиме простого GPS-маячка, так как полная активация функций слежки стоит баснословных денег и оплачивается поминутно. Немногие богатые семьи решаются на такие траты.

Дядя Чэнь добавил ледяным тоном:

— Господин Бай Цзянь лично распорядился активировать круглосуточное наблюдение и прослушку ещё до начала занятий.

В целях приватности даже близкие редко заглядывают в данные системы. Бай Цзянь тоже этого не делал. Однако система настроена на критические показатели здоровья. Если пульс или давление студента падают ниже нормы или зашкаливают, на телефон доверенного лица немедленно приходит сигнал тревоги, игнорирующий даже беззвучный режим.

Люди в гостиной буквально посерели. После таких мер им останется только идти просить милостыню на улицах.

Семья Бай никогда не пользовалась грязными методами — в этом не было нужды. В деловых кругах все знали: если Бай Цзянь что-то решил, он объявляет об этом открыто. И даже если у противника были месяцы на подготовку обороны, Бай Цзянь никогда не проигрывал.

Можно сказать, что большинство предприятий Цинбэй жили, ловя каждое движение бровей главы клана Бай.

— Господин Бай Цзянь, — подал голос другой родитель, — мой сын не участвовал напрямую! Он просто шёл за Линь Цинъюэ... Пожалуйста, смягчите приговор, проявите милосердие...

— И мой тоже! Он добрый мальчик, это Линь Цинъюэ сбил его с пути!

— Сян Юань! А ну быстро иди сюда и извиняйся перед господином Бай Цзянем! — проревел отец другого юноши.

Дрожащий Сян Юань, сидевший в углу, буквально приполз на коленях. Он рухнул на ковёр, не смея поднять глаз. С самого момента прибытия Бай Цзянь не позволял им вставить ни слова.

Парень заикался, не в силах вымолвить и звука. Отец, теряя терпение, влепил сыну звонкую пощёчину:

— Живо проси прощения!

Удар привёл Сян Юаня в чувство. Он уткнулся лбом в ковёр, заливаясь слезами:

— Это всё Линь Цинъюэ! Он сказал, что люди всё равно живут недолго, рано или поздно помирают... Сказал, что господин Бай Цзянь проживёт ещё сотни лет, и какая разница, кого он любит сейчас? Через пару десятков лет он и не вспомнит, кто такой Сы Юэ...

— Это правда Линь Цинъюэ! Я говорил, что не надо этого делать, предупреждал, что господин Бай Цзянь нас уничтожит! Он чуть не убил меня за эти слова, угрожал, что его отец разрушит бизнес моей семьи, если я проболтаюсь! Простите, простите меня... я пытался его остановить, но он не слушал!

«У тритона за всю жизнь может быть только один партнёр».

Это было древнее правило, которое современные, социализированные тритоны часто игнорировали. Они влюблялись, расставались, женились и разводились. Лишь немногие до сих пор чтит биологические законы своего вида.

Линь Цинъюэ и его друзья явно принадлежали к тем, кто считал эти правила пережитком прошлого. Они были уверены, что Бай Цзянь не станет «хранить верность до гроба» какому-то человеку.

На шее Бай Цзяня на мгновение проступили серебристые чешуйки.

Мать Сян Юаня, увидев это, окончательно потеряла самообладание. Она бросилась на пол,

бормоча сквозь рыдания:

— Господин Бай Цзянь, мой сын ещё ребёнок, он не понимал, что творит! Если хотите наказать — накажите меня! Заявите на меня в полицию, только пощадите его!

Бай Цзянь жестом велел дяде Чэню поднять женщину. Он откинулся на спинку дивана, его голос звучал мягко, почти ласково, но от этой нежности по спинам присутствующих пробежал холод.

— Официальное заявление о браке было сделано именно для того, чтобы предостеречь неблагоразумных людей. Чтобы они задумались о последствиях своих поступков и о том, скольким невинным они могут навредить. — Он говорил размеренно, как мудрый наставник. — Я предупреждал. И вы, как родители, должны были заметить, что в сети не появилось ни одного дурного слова в адрес Сы Юэ. То, что вы не смогли вразумить своих детей — это ваше упущение. И я не считаю чрезмерным, что расплата коснётся вашего бизнеса.

Сян Юань дрожал всем телом. Он помнил, как Бай Цзянь вышел из воды с Сы Юэ на руках. Его глаза тогда были черны, как бездна на глубине десяти тысяч метров. Один только этот взгляд заставлял задыхаться от ужаса.

Парень действительно пытался отговорить Линь Цинъюэ. Родители всегда наказывали ему: если встретишь кого-то из семьи Бай — уступай во всём. Это было негласное правило золотой молодёжи Цинбэй. Брак Сы Юэ и Бай Цзяня автоматически распространил это правило на Сы Юэ, но Линь Цинъюэ решил, что он выше этого.

Бай Цзянь слегка постучал пальцами по колену.

— Что ж, вы можете отдохнуть здесь. Полиция прибудет через полчаса. Чэнь Сянь, подготовь для этих юношей сухие полотенца. Они долго были на холоде, не хватало ещё, чтобы они простудились.

— Слушаюсь, — ответил дядя Чэнь.

Бай Цзянь оставался верен себе: даже отправляя кого-то на плаху, он любезно предложил бы приговорённому чашку горячего чая.

— Подождите... — Сян Юань набрался храбрости, но так и не поднял головы. Голос его нещадно дрожал. — Там был ещё один... Наш друг, У Юнь. Это он потащил Сы Юэ на глубину... Я не знаю, куда он делся.

Перед тем как выбраться на берег, Сян Юань почуял в воде запах крови. Густой, резкий запах сородича, появившийся внезапно.

Бай Цзянь, уже стоя на лестнице, на мгновение замер. Серебристая чешуя снова блеснула на

его коже.

— В этих водах обитает крупный осьминог, — небрежно бросил он. — Должно быть, они встретились.

«Нет... это был не осьминог. Это был Бай Цзянь...» — Сян Юань хотел закричать, но слова застряли в горле. Для остальных это было даже выгодно: теперь можно свалить всю вину на «пропавшего» У Юня.

Бай Цзянь поднялся вверх. Быть рядом с Сы Юэ было для него куда важнее, чем выслушивать оправдания этих людей.

Когда он ушёл, дядя Чэнь раздал полотенца. Он искренне не понимал, как у кого-то хватило духу тронуть Сы Юэ. Даже если бы парень сам подставил шею под нож, никто в Цинбэй не рискнул бы замахнуться. Образование некоторых молодых тритонов явно зашло в тупик. Даже Бай Лу, при всей своей импульсивности, опасался лишь диких монстров, но и помыслить не мог о преднамеренном убийстве.

Отец Сян Юаня, видя, что глава ушёл, робко придержал дядю Чэня за рукав. Он выглядел так, словно постарел на десять лет за одну ночь.

— Мы... мы можем как-то договориться?

Бай Цзяня не было, и Бай Лу перестал притворяться тихим. Он громко выкрикнул:

— Договориться?! Если бы мой брат не подрос вовремя, А-Юэ был бы мёртв! Детей воспитывать надо было, идиоты! Молитесь своим богам, наверху врачи спасают его жизнь! Если у него останутся хоть какие-то последствия, вам конец! Вы пойдёте по миру, и клянусь, люди будут выбивать миски из ваших рук, когда вы станете просить милостыню!

Бай Лу никогда не был так красноречив:

— Один придурок, два придурка, три... все идиоты! Бесите! — Он скрестил руки на груди и ушёл под воду, пуская злую цепочку пузырей.

Дядя Чэнь посмотрел на родителей с сочувствием, в котором сквозил холод.

— Раньше люди уже пытались предугадать мысли господина Бай Цзяня, и кончалось это плохо. Вы знали об этих примерах. Почему же совершили ту же ошибку?

Дядя Чэнь вспомнил выражение лица Бай Цзяня, когда тот принёс на руках насквозь мокрого Сы Юэ. Это был единственный раз в карьере дворецкого, когда он не смог скрыть шока. Чтобы на землях Бай кто-то посмел топтать их человека?

— Вы в ответе за то, что ваши дети выросли с чувством превосходства. Дискриминация существует везде, но она не даёт права на убийство. Сы Юэ — единственный спутник жизни

господина Бай Цзяня. И не важно, тритон он или человек, и сколько ему осталось жить — это не дело каких-то юнцов. Молодой господин Бай Лу прав: если у вас есть свободная минутка — лучше помолитесь.

Сы Юэ метался в кошмаре. Ему снова снилось детство: холодные стебли водорослей обвивают его лодыжки. Они затягивались всё туже, увлекая его на дно. Как бы он ни боролся, он не мог вырваться.

И вдруг перед глазами мелькнул чёрный хвост. Незнакомец легко подхватил его и вынес на поверхность. Но лица спасителя он так и не увидел.

Сон повторялся по кругу, изматывая его. Наконец, Сы Юэ рванулся всем телом и проснулся. Раздался громкий металлический лязг — это он задел медицинское оборудование. В тыльную сторону ладони вонзилась резкая боль.

Сы Юэ посмотрел вниз: катетер был вырван, по руке текла кровь, а прибор, который он опрокинул, жалобно пищал.

Дверь распахнулась. В комнату вошёл Бай Цзянь в сопровождении врачей. При виде него Сы Юэ мгновенно вспомнил всё, что произошло на берегу. Его пробрала дрожь, но одновременно накатила странная волна радости.

— Бай Цзянь... — он попытался приподняться.

Врач поспешил к нему, удерживая за плечи. Он не понимал, почему пациент, едва избежавший смерти, вдруг так разволновался.

— Вам нужен покой, не двигайтесь!

Другие медики уже возились с приборами: проверяли температуру, давление, готовили новую капельницу. Старший врач подошёл к Бай Цзяню и негромко доложил:

— Господин Бай Цзянь, раз он пришёл в себя — худшее позади. Сердце и лёгкие в норме, обследование мы провели ещё ночью. Пару дней оставим его под наблюдением, нужно следить за сатурацией и давлением.

Бай Цзянь кивнул:

— Благодарю вас.

Когда иглу вернули на место и врачи вышли, в комнате остался лишь мерный писк мониторов. Сы Юэ посмотрел в окно.

— Уже утро?

— Идёт третий день, — ответил Бай Цзянь. Он налил стакан тёплой воды, подошёл к кровати и сел рядом на стул. — А-Юэ, как ты себя чувствуешь?

— В груди немного давит, а так — нормально, — честно ответил парень. — Бай Цзянь... где те люди?

Бай Цзянь смотрел на него. Сы Юэ, обычно такой дерзкий и живой, сейчас выглядел бледным и хрупким.

— Их ждёт суд. Срок будет долгим, хотя, боюсь, не пожизненным.

Он говорил об этом так буднично, словно обсуждал погоду. Сы Юэ вспомнил когтистую лапу на своей шее, и по его коже снова поползли мурашки.

— Бай Цзянь... Ты спрашивал, хочу ли я стать тритоном. Я сказал «нет». Теперь я передумал. Я хочу.

Бай Цзянь слегка улыбнулся:

— Почему же?

— Меня никогда так не унижали. Впервые в жизни я был так беспомощен, что даже не мог ударить в ответ, — Сы Юэ опустил глаза, его голос после солёной воды звучал хрипло. — Мне обидно. И очень... очень горько.

Только с Бай Цзянем он мог быть таким откровенным. Наверное, потому что Бай Цзянь был старше его на сотни лет и воспринимался как некто, стоящий вне человеческих категорий. Излив душу, он тут же переключился на другое:

— А кто они такие? Я их раньше не видел.

— Главарь — младший сын семьи Линь, он недавно вернулся из-за границы. Остальные — близнецы из той же компании и единственный наследник семьи Сян.

— Их было пятеро. Я точно помню пять лиц, — подчеркнул Сы Юэ.

— Тот, кто тащил тебя на дно, У Юнь... он пытался сбежать. Вчера днём полиция нашла его на берегу без сознания. У него... отсутствуют обе руки. Врачи говорят, шансов выжить у него почти нет.

— Офигеть! — выдохнул Сы Юэ. — Это тот осьминог сделал?

Бай Цзянь улыбнулся:

— Весьма вероятно.

Сы Юэ замер в изумлении:

— Значит, Бай Лу не врал. Он правда нападает на тритонов.

— Тритон — это и человек, и рыба. Нет ничего удивительного в том, что хищник нападает на добычу, — подыграл его версии Бай Цзянь.

Но Сы Юэ мучило кое-что ещё. Тот чёрный плавник, который он видел под водой в лунном свете... Это был Бай Цзянь. Но разве у него не серебристо-голубой хвост? Он же видел его руки — они тоже были серебристыми.

Пока он размышлял, он услышал тихое: «Мне очень жаль».

Бай Цзянь извинялся перед ним. Сы Юэ поспешно заговорил:

— Да ладно, ты тут ни при чём! Я сам вечно нарываюсь... Просто в этот раз я был один. В следующий раз возьму с собой Бай Лу, и посмотрим, как они...

— Следующего раза не будет, — отрезал Бай Цзянь. Он протянул руку и нежно стер каплю воды с уголка губ Сы Юэ.

За эти два дня несколько крупных компаний объявили о банкротстве, и семья Бай мгновенно поглотила их активы. Эта новость висела в топе запросов двое суток. Десятки партнёров один за другим заявляли о разрыве отношений с семьями виновных, предпочитая платить неустойки, лишь бы не иметь с ними ничего общего.

Когда суд и полиция Цинбэй выпустили совместное заявление, осуждающее преступление на почве межвидовой ненависти, общественность наконец поняла причину такой ярости клана Бай.

Пользователи сети были в шоке, а бизнес-элита города лишь качала головами: даже если бы Сы Юэ не был мужем Бай Цзяня, трогать его было безумием. Бай Цзянь устроил показательную казнь. Обычно он был снисходителен к молодым тритонам, но в этот раз не пощадил никого. Теперь каждый в городе знал: при встрече с Сы Юэ нужно не просто быть вежливым, а склоняться в глубоком поклоне.

Сы Юэ не до конца понимал масштаб мести Бай Цзяня. Прикосновение мужчины заставило его смутиться. Он отвернулся, но через секунду снова посмотрел на мужа. Любопытство пересилило неловкость.

— Бай Цзянь... — он замялся, глядя на его ноги. — У тебя что... два цвета?

Тритон не сразу понял ход его мыслей.

— О чём ты?

— Ну, твой хвост... Он ведь может быть не только серебристым? Он может становиться чёрным?

Бай Цзянь тихо рассмеялся. Он взглянул на монитор: пульс Сы Юэ подскочил до 92 ударов в минуту.

— Он не «становится» чёрным, А-Юэ, — мягко поправил он. — Он чёрный от природы.

Сы Юэ не стал спрашивать, почему раньше видел серебро. Его сердце замерло, он почти раздавил стакан в руке и с трудом сглотнул:

— Когда я тонул в шестнадцать лет... это был ты?

— Да. — Бай Цзянь признался легко, но добавил с иронией: — Хотя в шестнадцать ты уже не был ребёнком, А-Юэ.

— О... — Сы Юэ опустил голову.

Пи-пи-пи! — монитор внезапно разразился пронзительным сигналом. Он был настроен на тревогу при пульсе выше 98. Сейчас на табло горело «110».

— А-Юэ, у тебя слишком частый пульс, — с деланным беспокойством спросил Бай Цзянь. — Тебе плохо?

Сы Юэ отвёл взгляд. Как его сердце могло не колотиться, когда выяснилось, что его таинственный спаситель — это человек, за которым он замужем?

Видя, что парень готов провалиться сквозь землю, а пульс продолжает расти, Бай Цзянь накрыл его ладонь своей.

— Спокойно, А-Юэ. Попробуй контролировать себя. Уже 130.

Сы Юэ окончательно сдался и с несчастным видом пробормотал:

— Не получается...